

Нет автора

Русская старина

1908. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1908. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 732 с.

ISBN 978-5-458-02886-8

ISBN 978-5-458-02886-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шимъ почетомъ и былъ обо всемъ хорошо освѣдомленъ. Единственно для себя онъ велъ дневникъ, который менѣе всего предназначался для публики, и появился въ печати не ранѣе ста лѣтъ по смерти автора. Его издалъ Zeltner, въ 1729 году, въ своемъ обширномъ сочиненіи: *Historia Crypto-Socinismi*.

На эти совершенно забытые первоисточники въ новѣйшее время впервые обратилъ вниманіе г. Mergzynk въ замѣчательной статьѣ: *Aryanie polscy i Dymitr „Samozwaniec“*, и тѣмъ оказалъ исторической наукѣ не малую услугу ¹⁾. Хотя количественно они содержать не многое, но все-таки они очень цѣнны, потому что исходить посредственно или непосредственно отъ современниковъ.

Изъ нихъ мы узнаемъ, что по прибытіи въ Польшу и передъ открытымъ выступленіемъ въ качествѣ царевича, Димитрій сблизился съ арианскимъ проповѣдникомъ Матвѣемъ Твардохлѣбомъ, который и сдѣлался его руководителемъ и совѣтникомъ. Личность Твардохлѣба довольно загадочна. Полякъ ли онъ или русскій эмигрантъ, остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстно также, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ онъ познакомился съ Димитріемъ. Весь этотъ періодъ первыхъ сношеній Твардохлѣба съ будущимъ московскимъ царемъ намѣренно хранился въ тайнѣ, и даже между собою аріане его какъ-то замалчивали ²⁾.

При такомъ руководителѣ понятно, какъ Димитрій попалъ въ Гошу, какъ онъ вступилъ въ сношенія съ Гавріиломъ Гойскимъ, основателемъ тамошней арианской общины, съ которымъ впрочемъ онъ могъ сойтись еще въ Острогѣ, такъ какъ Гойскій былъ маршалкомъ князя Константина. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ новыхъ книгахъ Литовской Метрики сохранилось письмо князя Острожскаго къ Сигизмунду III, отъ 12-го іюня 1604 года, въ которомъ онъ испрашиваетъ аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. Не будучи еще сенаторомъ, Гойскій не имѣлъ права непосредственно обращаться къ королю, а какой успѣхъ имѣло ходатайство князя Константина, мы не знаемъ. Однако позволительно, кажется, догадываться, что государственное дѣло касалось Димитрія.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, хоть бы даже Димитрій

¹⁾ Статья напечатана въ варшавскомъ журналѣ *Przegląd Historyczny*, мартъ—апрѣль, 1907, стр. 170—180. По достоинству оцѣняя приводимыя авторомъ выдержки, я долженъ однако признаться, что не соглашаюсь съ нѣкоторыми изъ его выводовъ.

²⁾ *Arcana est inter ipsos Socinianos historia, quod Mattheus Twardochlebus amosissimum illum Pseudodemetrium... in Polonia... educaverit et ipsi adeo a consiliis intimis fuerit.* (Вожъ стр. 979). Выдержка г. Mergzynk.

участвовалъ въ еретическихъ богослуженіяхъ, врядь-ли можно утверждать, что онъ формально принялъ арианство и перешелъ въ эту секту. Но, что арианское ученіе заронилось въ его разумъ и оставило въ немъ глубокіе слѣды, объ этомъ есть прямыя свидѣтельства современниковъ.

Велевицкій, пользовавшійся дневникомъ отца Савицкаго для своего сочиненія, утверждаетъ ¹⁾, что къ Димитрію наѣхало не мало еретиковъ, особенно арианъ, пока онъ гостилъ у князя Вишневецкаго, и что они старались переманить его на свою сторону и, такимъ образомъ, заручиться свободною дѣятельностью въ Москвѣ. Очевидно, Велевицкій ничего не знаетъ о Твардохлѣбѣ и начинаетъ свой рассказъ съ тѣхъ поръ, когда Димитрій публично заявилъ себя царевичемъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ намъ отзывъ Гродзицкаго и Савицкаго. 7-го апрѣля 1604-го года, въ Варшавѣ, когда Димитрій уже склонялся къ католичеству, оба іезуита обсуждали съ нимъ вѣроисповѣдныя вопросы, и были поражены тѣмъ, что приводимыя имъ затрудненія истекали не только изъ православнаго, но также изъ арианскаго ученія. Онъ особенно настаивалъ на происхожденіи Святаго Духа и на причащеніи *sub utraque specie*. При этомъ онъ легко могъ заблуждаться въ ученіи о Святой Троицѣ и внушать подозрѣніе, что придерживается арианскаго, противутроичнаго взгляда. Впослѣдствіи, во время московскаго похода, отецъ Чижовскій, исполняющій должность полковаго священника, писалъ своему начальнику, 15-го іюня 1605 года, что Димитрій проникательнаго ума, необыкновенной памяти, что онъ обладаетъ историческими свѣдѣніями и знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, особенно съ Новымъ Завѣтомъ. Такое направленіе, въ связи съ выраженными нѣкогда затрудненіями, намекаетъ также на то, что Димитрій проходилъ арианскую школу, гдѣ Новый Завѣтъ предпочитался Ветхому ²⁾.

Между тѣмъ тайное присоединеніе Димитрія къ католической церкви и открытыя, близкія сношенія съ католическими семействами безъ сомнѣнія ослабляли его связи съ арианами. Варшавскій нунцій Рангони и сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ зорко слѣдили за нимъ и ничего предосудительнаго не могли допустить. Внешній разрывъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ совершиться. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ, трудно рѣшить, до какой степени Димитрій лично слѣдовалъ внутреннимъ убѣжденіямъ или даже порывамъ. Го-

¹⁾ *Historici diarii domus professae. Societatis Jesu Cracoviensis.*, т. II, стр. 50, 56.

²⁾ Незаданное письмо Чижовскаго находится въ моемъ собраніи.

раздо легче обозвать все это комедіей, какъ часто дѣлается, и такимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ соображеній. Но кто бывалъ въ Польшѣ, кто лично наблюдалъ, какъ беззавѣтно русскіе поддаются обаянію окружающей ихъ среды, обаянію польской культуры и польскихъ женщинъ, тотъ пойметъ глубокую вѣрность гоголевскаго типа Андрія Бульба. А Димитрій, внезапно окруженный непривычнымъ для него блескомъ и увлекаясь Мариною, былъ своего рода Андрій.

Какъ бы то ни было, и какъ ни дѣйствовалъ Димитрій въ данныхъ обстоятельствахъ, аріане не упустили его изъ вида и не отказывались отъ своего предпріятія. И вотъ, вслѣдствіе вѣроятно синодальнаго рѣшенія, отправляется въ Москву, 7-го ноября 1605 г., аріанское посольство. Въ немъ участвовали Твардохлѣбъ, *Morscovius*, *Rostek* и *Liscovius*. О дѣятельности его въ Москвѣ намъ ничего неизвѣстно. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, не удивительно, если они окружали себя величайшею тайною. Есть однако очень знаменательное совпаденіе, которое невольно наводитъ на разныя соображенія. Въ теченіе февраля мѣсяца 1606-го года, Чижевскій очень встревожился по случаю духовнаго настроенія Димитрія, не потому, что онъ самъ наблюдалъ въ Москвѣ, а вслѣдствіе слуховъ, распространяемыхъ въ Польшѣ, и тревога Чижевскаго дошла до того, что онъ пожелалъ въ особой аудіенціи лично переговорить съ Димитріемъ. 16-го февраля, онъ такъ пишетъ объ этомъ своему начальнику въ Краковъ:

„Я испросилъ частную аудіенцію, потому что хотѣлъ кое-что лично сообщить Димитрію, особенно предупредить его о толкахъ анабаптистовъ въ Польшѣ, будто онъ не только одобряетъ ихъ секту, но даже ей покровительствуетъ¹⁾“. Врядъ ли однако же Чижевскому удалось откровенно высказаться. На аудіенціи присутствовали Станиславъ Бучинскій, объявленный протестантъ, и какой-то русскій, замѣнявшій князя Масальскаго, посланнаго въ Смоленскъ навстрѣчу Марины. При такихъ свидѣтеляхъ неловко было вдаваться въ церковные вопросы. Во всякомъ случаѣ, письмо ничего больше не содержитъ объ этомъ предметѣ. Заботы другого рода увлекали Димитрія. Онъ интересовался путешествіемъ Лавицкаго, посланнаго незадолго передъ тѣмъ въ Римъ съ важными порученіями для папы, и много о немъ разспрашивалъ.

18-го февраля, послѣдовала другая аудіенція, но уже совершенно тайная. Чижевскій даже переодѣвался, чтобы незамѣтно проникнуть во дворецъ. Московское духовенство уже возмущалось изъ-за

¹⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, 499. Тамъ же и слѣдующее письмо 20-го февраля.

брака съ Мариною. Носились слухи о боярскомъ заговорѣ. На сей разъ, Димитрій былъ чрезвычайно предупредителенъ, требовалъ немедленно-го приѣзда начальника польскихъ іезуитовъ, Деція Стривери, одарилъ Чижевскаго драгоценными иконами, наконецъ изъявилъ желаніе скорѣ исповѣдываться. Но объ арианскихъ проискахъ въ письмѣ 20-го февраля съ отчетомъ объ аудіенціи опять-таки ничего не находится.

Имѣло ли это посольство какой-либо успѣхъ? Если судить по раннему отъѣзду Твардохлѣба, то отрицательное предположеніе становится правдоподобнѣе. Онъ въ-время удалился изъ Москвы и, такимъ образомъ, избѣжалъ ужасы кровавыхъ майскихъ событій. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ариане придавали своему посольству огромное значеніе. Дошло до того, что раковскій синодъ 1630 года поручилъ Твардохлѣбу письменно изложить свое путешествіе. Послѣ него осталась дѣйствительно рукопись подъ заглавіемъ: *Itinerarium Moscoviticum*, въ настоящее время безслѣдно утраченная.

Въ этихъ скудныхъ извѣстіяхъ есть одно важное указаніе на національность Димитрія. Ариане, лично его знавшіе, постоянно выдаютъ его за москвича. Также отзываются іезуиты, бывшіе съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Наконецъ, собственноручное письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII, превосходно разобранное г. Бодуэномъ-де-Куртене и г. Пташицкимъ, служитъ неопровержимымъ, вещественнымъ доказательствомъ русскаго происхожденія самозванца. Если не ошибаюсь, этотъ вопросъ можно теперь считать окончательно рѣшеннымъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя утверждать на счетъ царскаго родства Димитрія. Въ этомъ отношеніи ариане колеблются: то признаютъ его истиннымъ царевичемъ, то обзываютъ его Лжедимитріемъ. И дѣйствительно, въ сохранившихся выдержкахъ арианскихъ сочиненій нѣтъ никакого новаго, рѣшающаго доказательства въ пользу Димитрія. Такимъ, конечно, нельзя считать голословное, къ тому же перемѣнчивое наименованіе его царевичемъ. А что онъ формально не принялъ арианскаго ученія или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи отшатнулся отъ него, это подтверждается замѣткою Шмальца. Въ 1609-мъ году онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что всѣ извѣстія о томъ, будто москвичъ Димитрій еще въ живыхъ, оказываются невѣрными, что самъ Богъ не допустилъ дальнѣйшаго существованія гордеца, отвергнувшаго признанную истину и возвышающагося надъ самою гордынею ¹⁾.

¹⁾ Omnia, quae de Demetrio Moscho sparsa erant, quod scilicet in vivis esset, vana fuere. Noluit enim nimirum Deus, eum in vivis esse, qui agnitam veritatem tam superciliose respuebat et qui ipsissima superbia superior esse cupiebat. (Шмальцъ, стр. 1186).—Выдержка г. Мерзунк.

Новѣйшимъ защитникомъ рожденія Димитрія отъ Ивана Грознаго явился г. Валишевскій въ своей интересной и картинно написанной книгѣ о Смутномъ Времени ¹⁾. Не обошлось и безъ любезнаго упрека по моему адресу. Дѣйствительно, въ 1877 году, я склонился къ мнѣнію, что Димитрій былъ истинный царевичъ, а въ 1901 году пытался отождествить его съ Отрепьевымъ. Это совершенно вѣрно. Но менѣе точно утверждать, будто въ данный промежутокъ времени поступилъ въ научный оборотъ только одинъ новый документъ. Ихъ нашлось гораздо больше. Съ упомянутыми годами совпадаютъ усиленные и не совсѣмъ тщетныя разысканія въ римскихъ и русскихъ архивахъ. Кромѣ собственноручнаго письма Димитрія, на которое ссылается г. Валишевскій, открылась въ архивѣ Инквизиціи замѣчательная депеша нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года, вмѣстѣ съ документами о бракѣ Марины. У князя Бонкомпаньи оказалась на-лицо вся переписка нунція Симонетты, которой въ Ватиканѣ нѣтъ въ полномъ видѣ. Отыскался также дневникъ, отыскались новыя письма Лавицкаго, полкового священника въ войскѣ Димитрія. Изъ московскаго архива министерства юстиціи выступила на Божій свѣтъ переписка польскихъ сенаторовъ съ Сигизмундомъ III при появленіи самозванца. Далѣе я пользовался находками г. Шамбинаго, г. Щепкина и другихъ. Изученіе этого новаго матеріала и вызвало перемѣну моего мнѣнія.

Пожалуй, не лишне будетъ выяснитъ нѣкоторыя разногласія въ оцѣнкѣ старыхъ и новыхъ документовъ. Начну съ доклада князя Адама Вишневецкаго, предпославъ замѣчаніе юридическаго свойства. Такъ называемое *opus probandi* всецѣло лежало на Димитріи. Выступая царевичемъ, стремясь къ возвращенію себѣ прародительской власти, онъ неизбежно долженъ былъ обосновать свои требованія и оправдать свою личность. Такая попытка и была сдѣлана. Всѣмъ извѣстенъ докладъ князя Вишневецкаго, написанный со словъ Димитрія и представленный Сигизмунду III. Его впервые напечаталъ Новаковскій, приурочивъ къ 1606 году, и не обозначая его происхожденія. Понятно, что историки относились къ нему крайне осторожно и, глубже вникая въ его содержаніе, порою ему не довѣряли, и даже сомнѣвались въ его подлинности.

Въ настоящее время такого рода сомнѣнія вполне устраняются. Докладъ Вишневецкаго съ надлежащими разъясненіями нашелся въ Ватиканѣ при депешѣ варшавскаго нунція Рангони отъ 8-го ноября 1603-го года. Сравнивая его съ депешою того же Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года, съ собственноручнымъ письмомъ Ди-

¹⁾ Les origines de la Russie moderne. La Crise révolutionnaire. (1584—1614).

митрія къ Клименту VIII, съ посланіями Сигизмунда III, съ отвѣтами на нихъ сенаторовъ, съ вопросными пунктами епископа плоцкаго Барановскаго ¹⁾, становится очевиднымъ, что докладъ Вишневецкаго не есть навязанная Димитрію исторія. Онъ добровольно усвоилъ ее себѣ, и самъ рассказывалъ такимъ образомъ свои приключенія. Изъ сомнительнаго повѣствованія докладъ сдѣлался документомъ первостепенной важности. Пренебрегать имъ или относиться къ нему свысока теперь уже не позволительно.

И что же мы въ немъ находимъ? Легендарный оттѣнокъ, искусственные приемы, замалчиванія, несообразности, неправдоподобности. Всѣ свидѣтели и участники умираютъ въ-время, нѣтъ никакой поруки. Пребываніе въ монастыряхъ, перемѣщенія, странствованія обозначаются въ самыхъ неопредѣленныхъ словахъ съ видимымъ намѣреніемъ ускользнуть отъ провѣрки.

То же умышленное и осторожное молчаніе постоянно наблюдалъ и Димитрій. Сколько разъ ему представлялся случай убѣдить своихъ приверженцевъ въ своемъ царскомъ происхожденіи, но никакого откровенія онъ не сдѣлалъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было надѣяться,—и я льстилъ себя этой надеждой,—что рѣшеніе загадки найдется въ депешѣ, тогда еще неизвѣстной, нунція Рангони отъ 2-го іюля 1605-го года или въ коронаціонной рѣчи Димитрія, которую слышалъ Лавицкій. Надежды эти не оправдались.

Знакомство съ современными заграничными первоисточниками приводитъ насъ къ тому заключенію, что всѣ доказательства о родствѣ Димитрія съ Иваномъ Грознымъ сводятся къ докладу князя Вишневецкаго. Другихъ болѣе вѣскихъ доводовъ никто не зналъ, ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ. Король и папа, кардиналы и сенаторы, правящіе и подданные, историки и поэты, всѣ сознательно или несознательно довольствуются докладомъ. Имъ пользовался и ему вторилъ самъ Димитрій. Но подозрительный составъ доклада невольно подсказываетъ предположеніе, что въ немъ не находится разоблаченія тайны, а произвольно вымышленная исторія. Въ защиту Димитрія допускается предположеніе, что онъ не могъ открыть истину, что, пожалуй, самъ ея не зналъ. Но такая уловка пуше самаго жестокаго обличенія.

Далѣе нельзя согласиться съ г. Валишевскимъ на счетъ мнѣнія Сигизмунда III-го, которому онъ не придаетъ большого значенія. Король находился при самомъ источникѣ непосредственныхъ извѣстій. Онъ могъ черпать ихъ изъ первыхъ рукъ. Польскіе добро-

¹⁾ Вопросные пункты Барановскаго напечатаны въ „Русской Старинѣ“ г. Шамбанаго, 1902, т. V, стр. 316. Cf. т. VI, стр. 520.

желатели Димитрія окружали Сигизмунда, и для нихъ было полезно и важно убѣдить его въ законности московскаго предпріятія. Съ другой стороны, король сносился также съ русскими, сперва съ приверженцами, а потомъ съ врагами царевича. Ему было возможно провѣрить противоположные рассказы и сдѣлать окончательный выводъ. Такъ это и случилось. Въ 1608-мъ году, предпринимая походъ противъ Москвы, Сигизмундъ сообщилъ Павлу V обстоятельный отчетъ всѣхъ бывшихъ переговоровъ о Димитріи. Посланный въ Римъ нунціемъ Симонетта, 13-го декабря того же года, интересный отчетъ къ сожалѣнію какъ-то исчезъ изъ римскихъ архивовъ. Осталось только, въ письмѣ Сигизмунда къ папѣ отъ 3-го октября 1610-го года, заключительное и многовѣское слово: *impostor*. Можно ли въ данномъ случаѣ положиться на короля? Онъ обращался къ папѣ съ просьбой о денежной помощи для московскаго похода и, конечно, не рѣшился бы на грубый обманъ въ корыстныхъ цѣляхъ. Къ тому же самозванство Димитрія не могло задобрить папу и повліять на его рѣшеніе. Достойна наконецъ вниманія поразительная разность въ приемахъ Сигизмунда. Онъ никогда не утверждалъ положительно въ перепискѣ съ папою, что Димитрій, сынъ Ивана Грознаго, но только передавалъ чужія мнѣнія, и самъ пользовался обстоятельствами, но въ упомянутомъ письмѣ онъ выражается твердо и рѣшительно. Это сознательный приговоръ.

Отмѣтимъ еще другое недоразумѣніе. Въ 1671-мъ году, Отрепьевы били челомъ царю Алексѣю Михайловичу о перемѣнѣ всѣмъ ненавистнаго имени. По словамъ г. Валишевскаго, это доказываетъ только то, „что счастливые преемники Димитрія“ успѣли распространить въ народѣ выгодное для нихъ мнѣніе. Другихъ соображеній мы не находимъ у г. Валишевскаго, вѣроятно потому, что онъ не былъ знакомъ ни съ подлиннымъ текстомъ прошенія Отрепьевыхъ, изданнымъ г. Щепкинымъ, ни съ тремя рѣчами литовскаго канцлера Льва Сапѣги, напечатанными г. Любавскимъ ¹⁾. Изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ совершенно другому выводу.

Конечно, царскія и патріаршія грамоты могли имѣть огромное вліяніе на общественное мнѣніе и увѣрить народъ, что Димитрій былъ не кто иной, какъ самозванецъ Гришка Отрепьевъ, но никакія грамоты не были въ состояніи создать убѣжденія Отрепьевыхъ. Они добровольно высказываются и дѣлаютъ самыя тяжкія признанія. Вотъ, между прочимъ, что они пишутъ:

¹⁾ Е. В. Щепкинъ, „Краткія Извѣстія о Лжедимитріи I“, стр. 9.—Матвѣй Любавскій, „Литовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени“, разсказ.

„Смирной Елизарьевъ, сынъ Отрепьевъ, посланъ былъ въ Литву на обличеніе врага и отступника православныя вѣры ростриги Гришки Отрепьева, и на Москвѣ онъ, Смирной, съ сродники нашими всенародно его проклятаго вора обличалъ, и не терпя онъ отъ сродникъ обличенія Смирново-Отрепьева и отца моего Федькина и родителей нашихъ многихъ за обличеніе мучилъ и сослалъ въ ссылку въ сибирскіе города врознь, а дома, государь, родителей нашихъ разорены отъ него были до конца и были они родители наши холопей твоихъ въ ссылкѣ въ сибирскихъ городѣхъ два годы, всякую ссылшную нужду отъ него вора за обличеніе терпѣли. И какъ, государь, воцарился на московское государство блаженные памяти государь царь и в. кн. Василій Ивановичъ... велѣлъ ихъ изъ ссылки свободить... И служа тебѣ, великому государю, мы, холопы твои, вѣрно со всякимъ усердіемъ отъ всѣхъ людей принимаемъ понось и укоризну больше 60-ти лѣтъ внапрасе за наше прозвище, для воровства ростриги Гришки Отрепьева... Вели, государь, намъ, холопомъ твоимъ, писаться инымъ прозвищемъ, какъ тебѣ, великому государю, объ насъ Богъ извѣститъ, чтобъ его воровское Гришки Отрепьева ростриги проклятое имя въ народѣ россійскаго государства, и прозвище впредь не вспоминалось, а намъ, холопомъ твоимъ, впредь кто по насъ роду нашего будетъ отъ того проклятаго Гришкина воровства поносу и укоризны не было. Царь, государь, смилуйся, пожалуй“...

Такъ умоляли царя несчастные Отрепьевы. Ихъ просьба была уважена. Они стали называться Нелидовыми. Необходимо сопоставить ихъ прошеніе съ заявленіями литовскаго канцлера, Льва Сапѣги, на варшавскомъ сеймѣ 1611-го года. Сапѣга лично велъ переговоры съ Смирнымъ-Отрепьевымъ, посланнымъ въ Варшаву, въ 1605-мъ году, для обличенія племянника своего, Гришки, и требовавшего очной ставки, въ которой ему отказали на-отрѣзъ. Съ тѣхъ поръ, какъ впрочемъ и раньше, Сапѣга неустанно слѣдилъ за Димитріемъ и за московскими событіями. Такъ онъ узналъ, что, овладѣвъ престоломъ, самозванный царь лишилъ своихъ родичей имущества, и сослалъ ихъ въ отдаленные города.

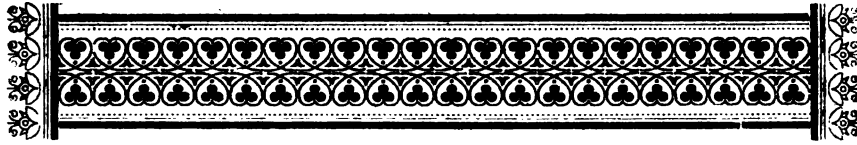
Это совпаденіе показаній литовскаго канцлера и Отрепьевыхъ чрезвычайно важно. Одно показаніе исходитъ изъ Варшавы въ 1611-мъ году, другое изъ Москвы, 60 лѣтъ спустя, въ 1671-мъ г. Независимость второго отъ первого не подлежитъ сомнѣнію. Отрепьевы не заглядывали въ сеймовые акты, руководились семейными преданіями, личными наблюденіями и опытомъ. У литовскаго канцлера были шпіоны и доносчики. Его увѣдомляли пограничные воеводы, а въ Москву посылались особые развѣдчики. И такъ,

источники показаній совершенно разнородные и ничего общаго между собою не имѣютъ, а содержаніе сообщаемыхъ свѣдѣній тождественно. Значитъ, прошеніе Отрепьевыхъ не боится провѣрки. Оно находится въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Пожалуй, тамъ еще укрываются другіе акты о ссылахъ или помилованіи того же семейства. Стоило бы поискать.

Въ заключеніе напомнимъ когда-то уже приведенное замѣчаніе на счетъ *Извѣстна Варлаама*. Русскіе люди, слѣдившіе за событіями, знали и увѣряли, что Гришка Отрепьевъ былъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ. Самъ Димитрій сознавался, что гостилъ въ этихъ трехъ мѣстностяхъ. Но польскіе и русскіе источники утверждаютъ, что бывший въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ выступилъ царевичемъ Димитріемъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что царевичъ Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ?

Пирлингъ.

Свѣтлая личность западнорусскаго прошлаго.

(Къ 300-лѣтней годовщинѣ смерти князя Константина Острожскаго).

Въ разныхъ теченіяхъ исторической жизни Западной Россіи свѣтлымъ явленіемъ проходитъ стремленіе народной массы отстоять и сохранить тѣ вѣковыя преданія, которыми обусловливается прочность племенного самосознанія, наличность идеаловъ, бережно хранимыхъ народной поэзіей, религіозными вѣрованіями, всѣмъ складомъ народной психики. Эта теплая вѣра, поддерживавшая въ теченіе вѣковъ свѣточъ народности въ самыя тяжелыя минуты исторической жизни, одушевила не только темныя массы, но и лучшихъ людей страны. Послѣдніе вносили въ живое дѣло развитія народности элементы личнаго почина, умудреннаго жизненнымъ опытомъ, пытливость ума, ищущаго новыхъ путей, свѣтлыя преданія народности, воспитанныя вліаніемъ всей предшествовавшей духовной культуры.

Память одного изъ этихъ дѣятелей празднуетъ въ настоящемъ году Западная Русь.

Имя Константина Острожскаго связано съ наиболѣе драматическимъ событіемъ въ жизни западнорусскаго народа, началомъ борьбы съ уніей, печальнымъ явленіемъ исторической жизни, расколовшимъ дотолѣ единую цѣльную народную массу на два враждебныхъ стана, вызвавшимъ кровавое зарево казацкихъ войнъ, подточившимъ, въ концѣ-концовъ, жизненныя силы Рѣчи Посполитой.

Эта борьба за сохраненіе народности, ведомая съ энтузіазмомъ идейныхъ людей, съ мощною энергіей устойчивыхъ народныхъ массъ, является едва ли не самою свѣтлою страницей нашей мѣстной исторіи. Она показала воочию, что и глухая, отдаленная окраина тѣсно связана узами общей культуры со старымъ Кіевомъ, съ Москвою, съ отдаленнымъ ломоносовскимъ сѣверомъ.